

И. ТАУБЕ, Э. КРУЗЕ

**<Послание> Великого князя Московского
неслыханная тирания вместе с другими
поступками, совершенными им
с 66-го по 72-й год, в то время бывшими его
советниками, обстоятельно, как они сами видели,
слышали и испытали, светлейшему,
вельможному князю и господину Иоанну
Хоткевичу в особую честь правдиво описанные**

Светлейший, вельможный князь, милостивый господин!

Несомненно знает ваша княжеская милость, каким образом мы в течение нескольких лет были пленниками Московского врага, какое печальное, тяжкое бремя мы, лишённые жен, детей, священного, ведущего к блаженству богослужения, несли в продолжение почти шести лет в нищете, голоде и жажде. И хотя мы всем миром, равно как нашим повелителем, родственниками и всем отечеством были не только в безутешном состоянии оставлены, но совсем преданы и забыты, все-таки всемогущий Бог в неисчерпаемом милосердии вновь избавил нас и не только помог нам получить высокое положение и честь, но в своей высокой милости благословил нас всяческим благополучием и богатством. Весьма чувствительно, и даже язычники тому удивлялись, какое превыше всякой меры и ценности чудо, не в пример прочим творениям, есть человеческое сердце, откуда происходит всяческая любовь к своему милому отечеству у натур честных, постоянных и привязчивых.

Авраам был весьма святым отцом, а Моисей — мудрым человеком; они не покладали рук, пока не возвратились в свое дорогое отечество. И вот мы стремились к той же цели, хотя бы отчасти, хотя бы под владычеством чужим и чужих народов; мы уповали и сердечно желали идти дальше. Но когда мы жили в одном месте некоторое время в доброй надежде, что Всемогущий исполнит наше желание, мы не встретили в нашем отечестве со стороны исконных жителей никакой помощи и сочувствия, которые послужили бы для поддержания общих нужд и польз. И вот мы одни, в пользу ли вашей княжеской милости или нет, мы одни добивались блага, благоденствия и процветания бедного народа и провинции Инфлянтов (Eyfflandt) с начала вашего управления и с великими тяжкими собственными издержками, без всякого возмещения, интереса и выгоды, но с доверенными вашей княжеской милости ради общего блага отправились в Дерпт и без внимания на указания, что имеем милостивую поддержку Польского королевского величества, были отозваны и подверглись большим неприятностям. И вы, ваша княжеская милость, господин высокий, богатый мудростью, уразумели, насколько это важно не только для провинции Инфлянтов, но и для собственного вашего отечества славной державы Литовской. А посему вы и о всем другом и еще больше о поездке нашей заботились, и мы находили у вас, ваша княжеская милость, похвалу и поддержку для далекого пути, для поездки вторичной и даже многократной. Так что сия ваша добродетель, которая помимо остальных и великих даров Господа Бога украшает и укрепляет вашу княжескую милость, а именно, что вы стремитесь и ищите благоденствия любезного отечества более, чем собственного благополучия и пользы, это должно быть превозносимо, любимо и высокохвалимо. И мы не думаем за особую милость и корысть вашей княжеской милости похвалу расписывать на бумаге, но истинную правду открыть и возвестить противно настроенным враждебным и неблагодарным сердцам. И казалось бы естественным, ежели такая глава приглашает к добродетели, то и сердце и остальные члены должны следовать за ней. Нам кажется и представляется нашим глазам, что как полагался Рим на Сципиона, как Афины на Солона, как Павел на Тимофея, точно так же, как Италия на достохвального Цицерона, так ваша княжеская милость несете на своих плечах ваше любезное отечество, равно как и Инфлянтскую область. Что и подвигло нас вашей княжеской милости жестокого тирана из Москвы, его неслыханную тиранью и каким путем он ослабел в своих средствах, и каково

в теперешнее время его высшее могущество и каким образом он ныне не только мог бы быть сломлен и завоеванные земли в ничто обращены и возвращены обратно, и что еще к возвышению и возвеличению славной короны Польской и Литвы и нашего Инфлянтского отечества, так же как и на благо, пользу и лучшее вышеупомянутого христианства со всех сторон обстоятельно и в простоте, однако правдиво, описать, передать и посвятить с подлиннейшей почтительностью, прося вашу княжескую милость означенное описание не только милостиво принять, но и благосклонно к нему отнестись, так же точно, как знаменитый Персидский царь не отказался милостиво принять яблоко и глоток прохладной воды от своих подданных, но сумел охотно воспользоваться ими и употребить их на всяческое благо. Для этого да дарует и ниспошлет Божье Всемогущество свою милость, святость и благословение, в каковом покровительстве вашей княжеской милости мы со всей нашей служебной готовностью сделаем все в самой большой точности.

В 1566 г. в воскресенье после дня св. Николая решил великий князь по свойственной ему подозрительности, либо по дьявольскому наваждению и тиранскому своему обыкновению, сообщить всем духовным и светским чинам следующее: он хорошо знает и имеет определенные известия, что они не желают терпеть ни его, ни его наследников, покушаются на его здоровье и жизнь и хотят передать русское государство чужеземному господству, посему решил он вызвать их к себе и передать им свое правление. После этого сложил он с себя в большой палате (Rarstube) царскую корону, жезл и царское облачение в присутствии представителей всех чинов. Далее, на следующий день велел он нагрузить до верху много возов или саней изображениями всех выдающихся святых (иконами), которых раньше епископы, попы и игумены носили во время крестных ходов, взятыми из всех церквей, монастырей и часовен, коих в Москве всегда было так много, числом несколько тысяч, и перед каждой иконой он кланялся, целовал каждую икону и принимал благословение, согласно обычаю своей религии. Спустя несколько дней после этого он отправился во все церкви и монастыри и совершал то же самое в течение нескольких дней и ночей с писанными на стенах изображениями святых. Четырнадцать дней спустя после этих событий приказал он всем духовным и светским чинам явиться в девять часов в церковь Богородицы, где митрополит должен был совершить богослужение. А между тем его прислужники, дворцовая челядь, вывезли на площадь все его сокровища и готовые в путь

обозы, и, когда кончилась служба, великий князь вышел из церкви, и тут же появилась великая княгиня с ее готовыми в путь сыновьями. Великий князь в присутствии обоих своих сыновей подал руку и благословил всех первых лиц в государстве: митрополита, архиепископов, архиереев, игуменов, священников и монахов, а затем и высших бояр — кн. Ивана Бельского, Мстиславского и других, так же, как и высших чиновников, военначальников, бояр, купцов, коих было великое множество, каждого в отдельности. Затем он сел в сани и взял к себе своих сыновей, посадив их по обе стороны. Распростившись таким образом и сопровождаемый знатными боярами — Алексеем Басмановым, Михаилом Салтыковым, Иваном Чеботовым (Schaboto), кн. Афанасием Вяземским и другими государственными мужами и придворными, он в тот же день прибыл в село Коломенское, которое находится в полутора милях от Москвы. Там его застала распутица, так что он должен был оставаться там десять дней. Когда же погода изменилась, поехал он согласно своему решению в Александровскую слободу, но, не доехав до нее, остановился на некоторое время и послал в Москву Салтыкова, бывшего в то время высшим маршалом, и Ивана Чеботова (Schaboto) и многих подьячих и воевод, раздетых донага и пешком, и написал митрополиту и чинам следующее: «Он поедет туда, если Бог и погода ему помогут, им же, его изменникам, передает он свое царство, но может придти время, когда он снова потребует и возьмет его».

На это пишут ему митрополит и представители сословий: «С опечаленным сердцем и великой неохотой слышат они от их великого и достойного всякой похвалы господина, что на них пала его царская немилость и особенно, что он оставляет свое царство и их несчастных и безутешных, бедных овец без пастыря, окруженных множеством волков — врагов. И они молят и просят его, может быть, он придумает что-нибудь другое. Случалось прежде, что государство было покорено врагом, и несчастный случай оставлял это государство без государя, но чтобы могущественный государь безо всякой необходимости оставил бы верных своих людей и могущественное княжество, — об этом не только никто не слышал, но и не читал. Если он действительно знает, что есть изменники, пусть объявит их, назовет их имена; и они должны быть готовы отвечать за свою вину; ибо он, государь, имеет право и силу строжайше наказывать и казнить. И если великий князь охотно согласится с этим, они были бы счастливы передать себя в его полное распоряжение». На это великий князь ответил: «Хотя он и решил никого из них не пускать к себе,

тем не менее он согласен на то, чтобы митрополит, архиепископ Новгородский, епископ Суздальский, игумен Троицкий, князь Бельский, князь Иван Мстиславский, канцлер Иван Висковатый и Андрей Васильевич, как можно скорее, явились к нему». Когда же они пришли на место, были они тотчас же, как явные враги, приведены под охраной и стражей (сам он расположился, как в военном лагере) к нему на аудиенцию. Сперва митрополит от имени обоих чинов и всего населения начал просить и умолять, чтобы он, великий князь, подумал о том, как он достиг до сих пор счастья, расширения своего государства; о том, что он был таким грозным для всех своих врагов и так расширил свое государство, и о том, что к тому же он был награжден Богом десятью сыновьями, достойными молодыми людьми, и при всем том имеет в своем государстве такой верноподданнический, услужливый, послушный, великий многочисленный народ; в Москве и его стране так много святых отцов и чудотворцев, бесчисленное множество душ которых посланы к Богу, как верные просители за него и за святую русскую землю; митрополит просил великого князя еще раз все обсудить и обдумать. При этом он указывал, что нет у великого князя недостатка ни в деньгах, ни в золоте, ни в богатстве. Он один и единственный, как глава православной христианской церкви и избранный властелин истинной апостольской веры¹. И если он не знает, являются ли его обширная страна, города, неисчислимое множество людей, неопикуемые сокровища золота и серебра, — временным и преходящим или единственно важным, то все же должен же он подумать о святых чудесных подвигах и о единой христианской религии, которая благодаря его отречению и передаче власти и благодаря семени еретиков будет загрязнена и даже в худшем случае уничтожена; и если есть преступления и недостатки в стране, о которых они не знают, то он волен мягкостью и добротой своих милостей, либо суровыми наказаниями улучшить и изменить их и исправить своим приказанием все, что неправильно. После этой обширной речи склонился великий князь к тому, чтобы обдумать в течение одного дня создавшееся положение вещей. По истечении этого срока позвал он их всех к себе и сам устно передал им следующий ответ: они сами знают, без особых его упоминаний, из русских хроник, которые дают сведения о настоящем и прошедшем времени, как мятежны были его подданные по отношению к нему и его предкам с самого начала славного, знатного и знаменитого рода Владимира Мономаха до сего дня и как пытались они прекратить высокославную династию и посадить вместо нее другую; и теперь еще они

постоянно готовы совершить это. Им также должно быть известно, как после смерти его благочестивого отца хотели его лишить законного права наследования и сделать своим государем выходца из рода Челяднина Barbatta. Этих людей он ежедневно сам должен видеть. Кроме того, ему хорошо известно, что они вступают в переговоры не только с королем Польским, но и с турками и крымскими татарами и стремятся лишить его жизни, уничтожить его, подобно тому, как случилось с благочестивой, почившей в Бозе царицей, происходившей из рода Романовых, но Бог воспротивился этому, открыл их козни. То же случалось с его сыновьями. И хотя он вследствие этих и им подобных причин принужден смягчить зло, тем не менее дает он себя упросить возвратиться в Москву, но на следующих условиях: он должен учредить своих особых людей, советы, двор, то, что он называет опричниной. Эти представители благодарили его словами и таким образом сами изготовили себе кнут и розгу и водворили собственными руками все эти дьявольские личины, покрытые яркими красками, перед которыми все духовные и светские чины были ответственны². Планы и мнения великого князя были противоестественны, ибо положение вещей не вынуждало его оставить государство, и тем менее подозревать все население в измене; причина всего этого была лишь та, что он хотел удовлетворить своей ядовитой тиранской склонности (от злобы в течение сорока дней у него выпали волосы из головы и бороды) и уничтожить благочестивые княжеские и боярские роды, затем забрать себе все, принадлежащее богатым монастырям, городам и купцам, и во исполнение этого он поступил следующим образом. Прежде всего прибыл он в день Сретения Господня этого же года в Москву, и с таким извращенным и быстрым изменением своего прежнего облика, что многие не могли узнать его. Большое изменение, между прочим, внесло то, что у него не сохранилось совершенно волос на голове и в бороде, которые сожрала и уничтожила его злоба и тиранская душа. На следующий день он вызвал к себе оба сословия и указал главные причины своего отречения, рассказал им, как он дал себя уговорить, сложил гнев на милость, вернулся — и все дальнейшее. Затем он указал высшим боярам, что при благоприятных обстоятельствах и времени могло бы способствовать расширению и процветанию государства. Он велел им также следить за тем, чтобы после его кончины, ибо все люди смертны, не возникло между обоими его молодыми сыновьями-князьями спора и раскола и чтобы они заботились не только об искоренении несправедливостей и преступлений,

но и о том, чтобы водворить в стране порядок, мир и единство. С этой целью решил он дать начало, продолжение и конец изложенным вещам. И прежде всего для охранения своей княжеской жизни взять на государя некоторых бояр, детей боярских, области, города и дома и построить в Москве собственный удобный, спокойный двор. После его смерти все, что взято на него, должно перейти к младшему его сыну, а оставшееся, Москва и население, земщина, как они это называют, старшему. Так как такое начало имело хороший вид, была ему выражена представителями всех чинов благодарность за его заботливость. Так поступили даже те, которые этого не хотели и считали образ действий царя опасным.

На третий день после этого приказал он обезглавить Александра Горбатого, чья дочь была замужем за князем Мстиславским, вместе с его пятнадцатилетним сыном, повесить князя Петра Горенского, князей Никиту и Василия Оболенских, незаменимого воеводу, который столько времени так верно служил великому князю в борьбе с татарами, Андрея Resensaw [Рязанцева] и князя Ивана Schmeraw [Шевырева] велел он посадить на кол. На следующий день приказал он, великий князь, выписать в Москву всех военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска.

Когда они прибыли, сел он рядом со своим советом, Алексеем Басмановым, князем Афанасием Вяземским и Петром Soytt, и приказал каждому отдельному отряду воинов, число которых было 6000, явиться к нему и спрашивал у каждого его род и происхождение. Четверо из каждой области должны были в присутствии самых знатных людей показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жен, и указать также, с какими боярами или князьями они вели дружбу. После того, как он осведомился об этом, взял он к себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами. Они были названы отдельными от всего его народа, по-ихнему опричниной; и если опричник происходил из простого или крестьянского рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же сто, двести или 50, 60 и больше гаков³ земли. Каждый из них должен был давать особую клятву, составленную следующим образом: «Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, и не молчать о всем дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется тем или другим против царя или великого князя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего

общего. На этом целую я крест»⁴. И все совершается согласно тому, что полагается в таком случае. Другие из тех же областей, представители знатных родов, были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от отцов имений, и так, что они не могли взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений. Эти бояре были переведены на новые места, где им были указаны поместья; им не разрешалось возвращаться домой, жены и дети были также изгнаны, и они должны были идти пешком и упрашивать, пока им не разрешали явиться к их мужьям. Такие тиранства совершал он в начале с соблюдением некоторых приличий, все-таки терпимо. Но чем дальше, тем хуже. Спустя короткое время взял он себе княжества Ростов, Вологду и Белоозеро, с которыми поступил он точно таким же образом. Следующей зимой взял он области: Кострому, Ярославль, Переяславль, Галич, Холмогоры, Кашин (Кассина), Плес и Буй (Бой), в которых жило больше 12 000 бояр, из коих взял он в свою опричнину не свыше 570. Остальные должны были тронуться в путь зимой среди глубокого снега, так что многие из их благородных жен родили в пути на снеге; если кто-либо из горожан в городах или крестьян в селах давал приют больным или роженицам, хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады. Мертвый не должен был погребаться на его земле, но сделаться добычей птиц, собак и диких зверей. И многие из тех, которые могли прежде выступить в поход с 200–300 лошаадьми, обладали состоянием во много тысяч гульденов, должны были нищими бродить по стране и питаться подаянием, а те, кто были их слугами и не имели ни одного гульдена, были посажены в их города и имения, и одному нищему или косолапому мужику было столько дано, сколько десять таких имело прежде. И случилось так, как поется в старой песне:

«Где правит мужичье,
Редко бывает хорошее управление».

Когда те, кто были привычны ходить за плугом и вдобавок не имели ни полушки в кошельке, должны были выставить в поле сто и больше лошадей, стали брать они с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет. Огромные имущества были разрушены и расхищены так быстро, как будто бы прошел неприятель, и все-таки эти люди не могли, как им подобало, выступить в поле. И кто тотчас же не явился на службу,

соответствующую количеству его владений, тот был обезглавлен или брошен в тюрьму. Таким образом прежде состоятельные люди были превращены в нищих и были ограблены природными нищими, и у многих из них не осталось ни одного коня. Но всего этого было недостаточно. Для того, чтобы совершенно уничтожить земщину (или крестьянство), предоставил он ее своим избранным или опричнине для грабежа. И если кто-либо из них знал богатого князя или боярина, или горожанина или крестьянина, совершал он над ними злодеяние различными способами. Они брали к себе и нарочно посылали своих слуг в дома к богатым горожанам и давали этим слугам несколько золотых изделий или украшений. Такой слуга напрашивался на службу, говорил господам, у которых он служил, что он родился в одном с ними городе или местечке, но скрывал полученные вещи. Вскоре, в заранее определенное время, брал такой опричник, согласно праву или своему обыкновению, пристава, неожиданно являлся в дом, брал своего бежавшего слугу и объявлял суду, что тот украл у него больше тысячи рублей, несколько тысяч талеров; уликой являлось то, что он нашел у него несколько монет или что он ему дал, — это у них считается прямой уликой и называется поличным, как и у нас. Мальчика или слугу допрашивали, не убежал ли он от своего господина и где находятся деньги, которые он украл. Тогда сознавался тот и говорил: «Я прошу пощадить мою жизнь и сообщу, где я спрятал взятые деньги». Эта милость бывала ему оказана и объявлена. Тогда показывал он, что если и взял он деньги своего благочестивого господина, то это произошло по внушению и требованию того, в чьем доме они были найдены, и ему он отнес их и передал. После такого обманного, лживого показания, тотчас же объявлялся приговор по приказанию великого князя. Все эти вещи отдавались опричникам, и они во всем оправдывались. И ответчик бывал принужден в течение трех, четырех, больше или меньше дней, в зависимости от его просьбы, уплатить, а если он не уплачивал в течение положенного времени, его препровождали на площадь и давали в руки обвинителю; и его били до тех пор, пока последняя полушка не была внесена. Он должен был продавать за полцены и дом, и двор, и землю, и людей, и все, что имел, чтобы отдать истцу. И если не хватало десяти или больше рублей до положенной суммы, то били его так же жестоко, как за всю сумму. И много раз наше бедное сердце с особенной жалостью видело, как они оставались лежать без движения или их увозили с площади даже совсем мертвыми.

И случалось много раз, что они предлагали со слезами и стонами продать своих жен и детей или самим идти в услужение, но это не пробуждало в этих дьявольских людях ни снисхождения, ни жалости. И если опричник проникался состраданием к тому или другому и уменьшал требуемую сумму хотя бы на один гульден или уступал из сострадания, и великий князь узнавал про это, то тот лишался не только своих имений, но и присуждался к вечному заключению или даже к смертной казни. С земцами или населением совершают они постоянно еще одну обманную проделку. Опричники, проезжая по улицам или мимо богатых купцов, бросают кольца, шапки и т. п. в лавки или дома, берут приставов и являются без всякого повода неожиданно в эти дома и лавки, находят брошенные вещи и требуют столько-то тысяч. Эту сумму ответчик должен был заплатить без всяких отговорок или оправданий; иначе с ним поступали ужасным образом, как указано выше. Особенно часто употребляется один прием: когда опричник и земец, которые постоянно сталкиваются друг с другом и вступают в житейские отношения, должны встретиться, опричник хватает земца за шею, ведет его в суд, хотя он его никогда раньше не видел и не говорил с ним, жалуется, что тот позорил его и вообще опричину; и хотя великий князь знает, что это не произошло, истца провозглашают верным человеком, и он получает все имения ответчика и последнего бьют, вода по всем улицам, а затем обезглавливают или бросают в тюрьму на пожизненное заключение. Такие и подобные казни, притеснения и тиранства совершают по приказанию великого князя, их господина, но делают это вполне охотно, ибо они чужды всякому приличию и склонны по природе к таким шельмовским проделкам; и они не делают никакого различия между высокопоставленными и подлыми, духовными и светскими чинами, горожанами и крестьянами, вдовами и сиротами, пока не будут знать, что ни один князь, боярин, благородный или простолюдин не имеет ни денег, ни сбережений, ни запасов. Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны. Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху. Он, великий князь, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричину,

особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, все смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней.

Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего монастырь или место, где это братство было основано, был не в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имело свое местопребывание. Сам он был игуменом, кн. Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром в 4 часа должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас же появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен к столу. После того как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенки, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву, продолжающуюся до 9. После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, за одной

другую. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже, чем до 12 час ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдаёт он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он даёт письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены; этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за счастье, милость, святое и благое дело выполнить его.

Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками, которыми можно сбить крестьянина с ног, а также и длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть, даже еще длиннее, для того, чтобы, когда вздумается убить кого-либо, не нужно было бы посылать за палачами и мечами, но иметь все приготовленным для мучительства и казней. Он издал также закон и руководство для оценки, согласно которому все население должно было платить ежегодно, кроме всех остальных податей, по 180 талеров с 70 гаков. От этого, как и от других податей, как и от конной службы, опричники были освобождены. Нельзя не упомянуть о том, что он придумал для истребления населения.

После того, как он осуществил свои приказания и настолько подавил свое население, что мог не опасаться с его стороны никакого сопротивления, принялся он убивать и разорять различными ужасными способами своих знатных бояр. Ивана Петровича, Михаила Кольцова* заколол он сам в большой палате (Ratstube) и приказал пищальникам бросить их тела; они разрубили их больше, чем на сто кусков, и оставили лежать на открытой площади. Своего казначея Хозяина Юрьевича приказал он своему зятю, князю Михаилу Темрюковичу, изрубить на мелкие куски в его доме вместе с женой, двумя маленькими мальчиками, 5 и 6 лет, и двумя дочерьми и оставить их лежать на площади для зрелища. Это было вызывающее жалость и раздирающее душу зрелище.

* Вероятно, искаженное имя. — Прим. составителей.

Опричники великого князя должны были в количестве приблизительно от 10 до 20 человек разъезжать по улицам с большими топорами, имея под одеждой кольчугу. Каждая отдельная рота намечала бояр, государственных людей, князей и знатных купцов. Ни один из них не знал своей вины, еще меньше — время своей смерти и что вообще они приговорены. И каждый шел, ничего не зная, на работу, в суды и канцелярии. Затем банды убийц изрубали и душили их безо всякой вины на улицах, в воротах или рынке и оставляли их лежать, и ни один человек не должен был предать их земле. И все улицы, рынки и дороги были наполнены трупами, так что местные жители и чужестранцы не только пугались, но и не могли никуда пройти вследствие большого зловония.

Князя Петра Щенятева и Турунтая-Пронского, воевод и бояр, приказал он избить батогами до смерти. Князя Петра Серебряного, князя Владимира Курлятева и много сот других (их не счесть) приказал он внезапно изрубить, многих в их домах, и бросить куски в колодцы, из которых люди пили и брали воду для приготовления пищи. Он приказал также повесить многих женщин на воротах их домов, и мужья должны были ежедневно проходить под этими телами и при этом не показывать вида, что с ними произошло. Жену своего шурина Михаила Темрюкова Черкасского, чья сестра была за ним замужем, дочь богатого и умного князя Василия Михайловича Юрьева, невинную благочестивую женщину, не старше 16 лет, приказал он изрубить вместе с ее полугодовалым сыном и положить во дворе, где ее муж должен был ежедневно проезжать и проходить. С Петром Santzen и многими другими приказал он поступить точно так же. Но всем этим его кровожадное тиранское сердце еще не насытилось. 19 июля 1568 года в полночь послал он своих ближайших доверенных лиц, князя Афанасия Вяземского, Малюту Скуратова, Василия Грязнова, вместе с другими и несколькими сотнями пичальников; они должны были неожиданно явиться в дома князей, бояр, воевод, государственных людей, купцов и писцов и забрать у них их жен; они были тотчас же брошены в находившиеся под рукой телеги, отвезены во двор великого князя и в ту же ночь высланы из Москвы. Рано утром великий князь выступил со своими избранными словно в военный поход, сопровождаемый несколькими тысячами людей. Переночевав в лагере, приказал он вывести всех этих благородных женщин и выбрал из них несколько для своей постыдной похоти, остальных разделил между своей дворцовой челядью и рыскал в течение шести недель кругом Москвы

по имениям благородных бояр и князей. Он сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать⁵. Бедный ни в чем неповинный деревенский люд, детишки на груди у матери и даже во чреве были задушены. Женщины, девушки и служанки были выведены нагими в присутствии множества людей и должны были бегать взад и вперед и ловить кур. Все это для любострастного зрелища, и когда это было выполнено, приказал он застрелить их из лука. И после того, как он достаточно имел для себя жен указанных бояр и князей, передал он их на несколько дней своим пищальникам, а затем они были посажены в телеги и ночью отвезены в Москву, где каждая сохранившая жизнь была оставлена перед ее домом. Но многие из них покончили с собой или умерли от сердечного горя во время этой постыдной содомской поездки.

В то время, как такие и подобные неслыханные тиранства и содомские грехи стали все учащаться, митрополитом был Филипп Кольчев, благородного происхождения от Кольчевых или Челядних, одного из самых знатных русских родов, проживший свою жизнь честно и в Божьем страхе, с юных лет не испытывавший никакой нужды и недостатка ни в чем, но отказавшийся от света и удалившейся в монастырь на острове Соловки, на океане, чтобы закончить свою жизнь в Божьем страхе, и вызванный оттуда по воле великого князя и части духовенства для занятия митрополичьей кафедры. И хвала и честь ему перед всеми за то, что он, бесстрашная, храбрая душа, во всем держал сторону справедливости, не жалея своей собственной жизни. Эти его душевные свойства побудили его уговаривать сперва тайно и наедине великого князя не совершать таких тиранств. Когда великий князь услышал это, пришел он в дьявольское бешенство, потому что думал он, население и бояре побудили митрополита к этому увещанию, и он решил удвоить свои тиранства в сравнении с тем, что делал прежде. И хотя митрополит заметил, что его благочестивые увещания действовали более пагубно и вредно, чем с успехом, остался он при прежнем решении, не переставая указывать ему, великому князю, на его злодеяния и в церкви Богородицы в присутствии духовенства и всех бояр произнес он следующее: «Милостивейший царь и великий князь, до каких пор будешь ты проливать без вины кровь твоих верных людей и христиан? Долго ли будет продолжаться в Русском государстве эта несправедливость? Татары и язычники и весь свет может сказать, что

у всех народов есть законы и право, только в России их нет; во всем мире преступники находят у правительства сострадание, если ищут его, но в России нет сострадания для невинных и праведников. Подумай о том, что хотя Бог поднял тебя в мире, но все же ты смертный человек и Он взыщет с тебя за невинную кровь, пролитую твоими руками. Камни под твоими ногами, если не живые души, будут вопиять против тебя и обвинять тебя, и я должен сказать это тебе по приказанию Божьему, хотя бы смерть угрожала мне за это». Эти и подобные слова возбудили такой гнев великого князя, что он ударил своим жезлом оземь и сказал: «Я был слишком милостив к тебе, митрополит, к твоим сообщникам в моей стране, но я заставлю вас жаловаться». На следующий день им было приказано схватить всех слуг, бояр, приговоренных, кравчих, стольников и людей благородного происхождения, и одни были повешены, другие избиты палками, безжалостно замучены и брошены в тюрьму. Из других благородных были обезглавлены князь Василий Пронский*, I. Karmissin и Христиан Будно**. Советники и приближенные митрополита были силой выведены, и затем их, вода по всем улицам, мучили и хлестали железными хлыстами, и он приказал испробовать на невинных людях все мучительства, какие он только мог придумать; он приказал содрать с них живых кожу, вырезать ремни из кожи, и ничто не было им пропущено из того, что когда-либо испробовала тирания. Наконец, для того, чтобы люди его имели повод к злодействам против митрополита, вызвал он ложных свидетелей против митрополита, которые показывали, что он ведет неподобающую порочную жизнь. Потом опять он вызывал представителей всех духовных и светских чинов и потребовал, чтобы они отрешили от сана порочного митрополита и привлекли его к публичному суду и приговорили бы к смерти. Вследствие этого явился митрополит к великому князю и сказал:

«Царь и великий князь, ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти за мое правое дело. Я с 53 лет жил доньше, а мне теперь 79 лет (sic), в святом месте, в христианской общине в Соловецком монастыре честно, правильно, справедливо, так что меня нельзя упрекнуть ни в одном пороке; и я хочу также окончить мою жизнь и отдать добровольно и с радостью свою душу Богу, который тебя и меня будет судить, и хочу скорее оставить после себя такую память,

* Скорее всего, речь идет о князе и боярине Иване Ивановиче Пронском (Турунтае), казненном в 1569 году. — *Прим. составителей.*

** Вероятно, искаженное имя. — *Прим. составителей.*

что я умер невинным мучеником, чем чтобы мне говорили, что я, как митрополит, жил при тираннии и всяческой несправедливости. Впрочем, делай, что хочешь. Тут лежат мой посох, шапка и мантия, и вот я приказываю вам, епископам, архиереям, игуменам и всем духовным отцам, пасите ваше стадо и заботьтесь о том, чтобы вы могли дать обо всем ответ перед Богом и бойтесь больше всего Того, Кто может отнять вашу душу, а не брренное тело. Себя и свою душу предаю я руке Божьей».

С этими словами он направился к двери, чтобы выйти. Так как великий князь не желал такого благородного прощания и ему не понравилось то, что митрополит сам сложил с себя с таким лукавством и проворством свое облачение, объявил он коварно духовным чинам, что он не желает, чтобы митрополит так быстро уехал, и он не будет судить его прежде, чем обдумает все хорошенько; поэтому митрополит должен вновь одеть свое облачение, и он решил послушать в великий праздник, в день св. Михаила, его богослужение. Так как митрополит склонился на сильные убеждения духовных чинов и решил служить последнюю службу и потом сложить с себя сан, вновь одел он свое облачение для свершения службы. Когда великий князь узнал это, приказал он Малюте и другим убийцам, как только митрополит захочет взойти на алтарь, подойти к нему, сорвать у него силой шапку с головы и все принадлежности его сана и бить его по лицу этими же предметами и оставить его в церкви нагим. Так это все и случилось. Затем приказал великий князь взять его, положить на деревянные сани и затем заключить в монастырь. Через несколько дней он вздумал убить его и сжечь, но духовенство упросило великого князя даровать ему жизнь и выдавать ему ежедневно 4 алтына, что составит приблизительно 10 литовских грошей. И его послали в монастырь в Тверь, где он прожил со дня св. Михаила до февраля следующего года. Дальше будет указано, как поступил с ним впоследствии великий князь и как благочестивый митрополит должен был окончить свою жизнь.

Вскоре после этого произошло большое злодеяние в одном городке, называемом Торжок. В ярмарочный день некоторые из опричников или избранных совершили убийства и грабежи на большой дороге над бедными людьми; они напали на них на рыночной площади, забрали их добро.

Когда до великого князя дошло, что из такого множества (опричников) один или двое были убиты и ранены, приказал он немедленно схватить всех жителей, совершенно невинных, ничего не знавших

об этом происшествии, числом свыше 200, мучить их безжалостно и бросить в воду; город был так опустошен, что от него ничего не осталось. То же самое случилось в другом городке, в Коломне.

После совершения всего этого, обдумывал он долгое время, как бы ему уничтожить по закону и хитростью брата со стороны отца, князя Владимира Андреевича, стоявшего ему поперек дороги, и решил следующее: написать ему дружеское письмо и сообщить по-дружески: так как стало известно, что турки предпринимают поход на Астрахань и Казань, должен он отправиться вместе с дружинами подчиненными воеводами в Нижний Новгород и расположиться там лагерем. Когда же добрый князь послушался его и отправился в путь через город, называемый Костромью, то граждане этого города, так же как и духовенство и монахи, вынесли ему, по их обыкновению, хлеб-соль, чести ради и в надежде, что великому князю это будет более приятно, чем противоположное. Когда это произошло и дошло до великого князя, велел он их всех схватить, привести к себе, бить, вода по всем улицам, и, наконец, казнить. И когда упомянутый князь Владимир пробыл некоторое время в Нижнем Новгороде и узнал, что турок снова вернулся, решил великий князь выполнить свой план и стал придумывать, каким образом приискать приличный повод, чтобы убить его. Когда великий князь имел свой лагерь в Александровской слободе, а князь Владимир в Новгороде, которые находятся на расстоянии 84 немецких миль друг от друга, отправились повара великого князя согласно его плану в это место за рыбой для него, где она водилась в изобилии. Когда повара ездили по очереди несколько раз за рыбой для великого князя, и благоприятное время, наконец, подошло, то один из поваров взял ядовитый порошок и показал тайно Федору Нуне, будто бы Владимир дал ему, когда он ездил в Нижний Новгород за рыбой, этот порошок и 50 рублей с тем, чтобы он тайно примешал его к пище великого князя. Конечно, Федор Нуна был в заговоре и передал все великому князю. Повар был взят для вида к допросу. Порошок был признан ядом, и повара предали пытке, но так, что он не испытывал боли. К этому делу были привлечены ближайšie льстецы, прихлебатели и палачи в качестве свидетелей, и все дело держалось в тайне, пока все не было приготовлено и выполнено согласно их желанию, и добрый, благочестивый князь, который ничего не знал о своем несчастье и близкой смерти, не был осужден. Великий князь написал ему, что, так как он имеет определенные сведения о намерении турок напасть, должен князь Владимир

явиться к нему и, так как великий князь желает поговорить с ним, пусть направит он свой путь в Александровскую слободу; в Москатине, который отстоит в полумиле от слободы, ему будет приготовлен лагерь. Произошло так, как было приказано. Добрый князь, узнав это, выполнил все больше с радостью, чем с тяжелыми мыслями, ибо он не знал ничего дурного за собой и отправился вместе с супругой, двумя дочерьми-невестами и двумя молодыми сыновьями и со всеми бывшими при нем женщинами и челядинцами и прибыл в описанное место. Когда князь прибыл туда, и это стало известно великому князю, велел он сказать ему, что вызывает его к себе рано утром на следующей день. Когда ночь прошла, рано утром великий князь вместе с несколькими тысячами людей оделся и вооружился, как будто бы он выступал против врага, велел напасть на то место, где был лагерь благочестивого князя, окружить его с шумом литавр и труб.

Когда князь Владимир сам явился и остановился в соседнем доме, были посланы Василий Грязной с Малютой Скуратовым сказать ему, что великий князь считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление, как доказал это сам князь Владимир тем, что подкупил повара, дал ему яд и приказал погубить великого князя. Тотчас же был вызван повар, которого добрый князь никогда, быть может, и в глаза не видел, и хотя все дело было совершенно чуждо доброму князю, он скоро заметил, что все это подставное; тем не менее стал он доказывать жене и плачущим детям свою невинность. Но ничто, даже если бы ангел явился с неба, не помогло бы ему. Великий князь приказал ему вскоре явиться вместе с супругой и детьми, которые, как только они появились, опечаленные и подавленные горем, бросились перед ним на колени и стали просить милости, во внимание к их невинности, и пощады их жизни и жизни их людей и обещали сделаться монахами и отшельниками до конца их дней, пока Бог не потребует их из этого мира. Такие и подобные жалостные речи и вызывающие жалость лица, тем более их полная невиновность не отклонили великого князя от его решения и тиранства, но, наоборот, укрепили его в этом. Великий князь объявил, что, так как Старицкий покушался на его власть и жизнь и приготовил для него еду и питье с ядом, должен он сам выпить то питье, которое хотел дать великому князю, и тотчас же велел позвать благочестивого князя с женой и детьми и передать кубок прежде всего князю. Последний отклонил его и сказал жене: «Я должен, к сожалению, умереть,

но не хочу все же убить сам себя». На это жена его отвечала: «Милый, ты должен принять смерть и выпить яд, и это делаешь ты не по своей воле, но убивает тебя своей рукой тот, кто дает его тебе пить, и убивает и душил тебя царь, а не какой-нибудь палач, и Бог, справедливый судья, взыщет с него твою невинную кровь в день Страшного суда». Поэтому князь взял кубок, предал свою душу руке Божьей и выпил яд; князю сразу стало очень плохо и через четверть часа он отдал душу Богу. Вслед за тем то же самое сделали его жена и четверо детей, которые все отдали свои души Богу на глазах у тирана и покончили с этим миром. Затем великий князь приказал привести к себе многих знатных женщин и других лиц женского пола и сказал им: они видят, как он наказывает своих изменников, и, хотя они все также достойны смерти, но если они попросят милости, он им ее окажет. Когда они увидели раздирающее душу зрелище, которое представлял их господин, и его полную невинность, им было словно ниспослано приказание Божие, и они воскликнули в один голос: «Ты, кровожадный убийца нашего благочестивого, невинного господина, мы не желаем твоей милости и гораздо лучше жить у Господа Бога на небе и кричать о тебе вплоть до дня Страшного суда, чем оставаться под твоей тиранской властью, поэтому делай, что хочешь». Видно, Бог захотел обличить его злобу и тиранство через слабое существо женщин; он, как и все тираны, не задумался о своих злодеяниях и злобе и о наказании на Божьем Суде, но, как будто желая увеличить меру своей кары в день Страшного суда, еще более разгневался своим кровожадным сердцем и велел вывести их нагими и заставил бегать в присутствии других людей. Сперва их для постыдного зрелища травили собаками, как зайцев, а затем они были застрелены и растерзаны ужасным образом и их оставили лежать непогребенными под открытым небом, птицам и зверям на съедение.

20 января 1569 года вызвал великий князь к себе в Александровскую слободу всех опричников, богатых и бедных, кто только был боеспособен, и сообщил им, будто бы город Новгород и все епископы, монастыри и население решили предаться его королевскому величеству королю Польскому. К этому безумному сообщению побудили его скорее перст Божий в наказание за его грехи или его тиранское сердце, чем какие-либо обоснованные истинные причины.

Нельзя описать, откуда возникли эта дьявольская злоба и воображение, тем более установить точные причины. В этом дьявольском безумии вместе с младшим сыном выступил он с большим войском,

словно шел против отъявленного врага, и 30 числа того же месяца почти достиг со своими 15 000 воинов маленького городка, называемого Клином. Так как вследствие черной смерти, которая свирепствовала в Москве почти два года, погибли все знатные купцы и ремесленники, приказал великий князь 470 людям единовременно явиться из Переяславля в Москву и повелел им там жить. Это приказание никто не смел преступить под страхом сурового наказания. Все послушно отправились и пришли в городок Клин в количестве нескольких сот, предполагая послушно отправиться дальше. Он велел их всех задушить без всякого допроса, приказал убить грудных детей и не оставить во всем городке ничего, что имело жизнь. Из Клина поехал он дальше и опустошал все вплоть до Цорна (Шоши?). Из Цорна до Городка, где жили весьма знатные купцы и другие богатые люди, он всех казнил, грабил и убивал. Когда он прибыл в известный большой город Тверь, который в прежние времена имел собственное правление и 30 000 войска и был в состоянии бороться с великим князем, остановился он в монастыре и приказал своим войскам обложить весь город. Монастырь этот был тот самый, куда он сослал митрополита, поклявшись всем духовным и светским чинам держать его там до конца его жизни. Несмотря на эту клятву, приказал он своему высшему боярину или палачу Малюте Скуратову задушить его веревкой и бросить в воду, в Волгу. Вслед за тем приказал он ограбить догола Тверского епископа, монахов и всех духовных. Граждане и купцы, ремесленники и другие стали надеяться, что грабежи не распространятся дальше. Они были вполне уверены в этом в течение двух дней, когда он прекратил убийства и грабежи, но по прошествии этого срока приказал великий князь врываться в дома и рубить на куски всю домашнюю утварь, сосуды, бочки, дорогие товары, лен, сало, воск, шкуры, всю движимость, свести все это в кучу и сжечь, и ни одна дверь или окно не должны были остаться целыми; все двери и ворота были отмечены и изрублены. Если кто-либо из грабителей выезжал из дома и не делал всего этого, его наказывали, как преступника.

Кроме того, они вешали женщин, мужчин и детей, сжигали их на огне, мучили клещами и иными способами, чтобы узнать, где были их деньги и добро. В общем, более 90 000 было задушено и в три раза больше умерло затем с голоду. После этого приказал великий князь привести к воде, к Волге, вместе с пленными немцами пленных полочан, многие из которых жили в тюрьмах и более ста в домах; они были растерзаны в его присутствии и брошены под лед.

После того, как он совершил эти кровавые дела в течение пяти дней, отправился он в местечко Медынь, где совершил не меньше. То же самое делал он в городе, называемом Торжком. В нем в одной тюрьме сидели немцы, в другой татары. Приказав убить немцев, которые не только сидели в тюрьме, но и были закованы в цепи, явился он со своими палачами в тюрьму к татарам, где сидели знатные мурзы и господа, и приказал Малюте и другим убить также и их. Когда они спокойно вошли во двор тюрьмы к татарам, то те, узнав, что они должны были все умереть, собрали все свое мужество, разгневались и внезапно напали на русских, ранили Малюту и убили одного или двух кравчих. Один из них особенно отличился и напал на великого князя, думая покончить с ним, но счастье было против них, и все они были задушены и убиты, и весь город с монастырем и церквями был опустошен. Потом он опять выступил в путь и направился в Выдропуск, довольно большое местечко, и действовал точно таким же образом. На следующий день прибыл он в Вышний Волочек, где, пробыв один день, убил множество богатых и знатных людей. На пространстве в сорок-пятьдесят верст посылал он несколько тысяч людей, приказывая казнить, грабить и душить во всех селах, городах и местечках. Когда он достиг известного города Новгорода, остановился он в четверти пути от него в монастыре, называемом Городище, и приказал обложить город и все улицы, а на следующий день поймать всех знатных новгородцев. Архиепископа посадил он на белую кобылу, дав ему в одну руку русские гусли, а в другую дурацкую палку, и приказал в таком виде привести его к себе. То же самое совершил он со многими тысячами священников, игуменов, купцов и ремесленников. Все состоятельные и известные люди были пойманы, дома их запечатаны, и в них были посажены пищальники. Он пытал и мучил их для того, чтобы они указали, где находятся их деньги и церковное добро, а затем он приказал принести все согласно их указанию. Церкви и монастыри были так ограблены, что не осталось ни одной иконы ценой в полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари. Сверх того, несмотря на то, что было найдено такое большое добро, били попов, игуменов и купцов по коленям, чтобы они сказали, что они имеют. Грубые товары, как воск, лен, сало, меха и другие, велел он сжечь и бросить в воду. Шелк, бархат и другие товары были бесплатно розданы палачам. Имеются также определенные и достоверные сведения, что он приказал убить 12 000 именитых людей, мужчин и храбрых женщин. Что касается до безвестных бедных ремесленников и простого народа, то было их боль-

ше 15 000. Большая знаменитая река Волга⁶, которая в два раза больше, чем Прегель под Кенигсбергом, была так наполнена мертвыми телами, что окрасилась в этом месте в цвет крови и должна была остановиться у мостов.

Один из его oprичников дал из особого сострадания одной вдове хлеб и не хотел ничего взять с нее за это. Когда это дошло до великого князя, приказал он схватить и обезглавить его и вдову, и оба тела вместе с хлебом открыто лежали на площади в течение трех дней. В общем, тяжело говорить о том бедствии и горе, которые мы видели своими глазами. Все посевы в полях, селлах, городах и дворах были сожжены и уничтожены, так что в стране начался такой голод, какого не было со времени разрушения Иерусалима. Один человек ел другого, даже матери ели своих детей; трупы выкапывались из могил и съедались вместе с другими противоестественными вещами. Кровожадный тиран, пробыв 6 недель в Новгороде, опустошив город и близлежащие окрестности более, чем на 150 немецких миль кругом, так что ничего не осталось, прибыл в Псков, где начал не менее безумствовать. И когда он уже задушил там многих, а других превратил в нищих, был послан к великому князю по воле Божией один бедный человек по имени Никола (Нирнла), которого все псковичи почитали как никого, словно святого или особого пророка, и объявил ему, что он должен к нему прийти. Великий князь не отказал ему в этом. Когда великий князь подошел к этому дому, этот пророк или его дьявольская личина крикнул из окна по-русски: «Ивашка, Ивашка (что по-немецки так: Johankj, Johankj), до каких пор будешь ты без вины проливать христианскую кровь. Подумай об этом и уйди в эту же минуту или тебя постигнет большое несчастье». Вследствие этого предостережения, устрашения или угрозы могущественный тиран, который хотел сожрать целый свет, ушел побитый и пристыженный, словно прогнанный врагом. Так неимущий нищий устранил и прогнал царя с множеством тысяч воинов, так что тот бежал, оставив свои сокровища и все награбленное. Когда он снова вернулся в Александровскую слободу, то велел он во искупление своих грехов построить две большие каменные церкви и наполнить их знаменитыми иконами, колоколами и другим, так что у всех составилось мнение, и он сам так думал, что ему прощены все грехи Господом Богом.

После того, как он, как уже было указано, очистил всю страну, он еще не насытился и назначил для казни еще 300 из оставшихся, но когда в Москву прибыли послы его королевского величества

короля и герцог Магнус, он пощадил их по просьбе чужих или стыдясь своих людей.

Как только господа послы и герцог отбыли, приказал он построить на рыночной площади отгороженное место, а сам вместе со старшим сыном и опричниками в количестве нескольких тысяч, вооруженных, отправился на площадь и приказал привести к себе этих самых обреченных одного за другим. Среди них были его казначей Никита Фуников и главный канцлер Иван Висковатый, которого он любил, как самого себя. Он приказал сперва привязать казначея к столбу, развести огонь и топить под ним котел с горячей водой. До тех пор, пока тот не испустил дух. Канцлера приказал он привязать к доске и растерзать и изрезать его, начав с нижних конечностей и кончая головой, так что от него ничего не осталось. Все другие были привязаны по порядку к барьеру, и он вместе с сыном проткнул их пиками и зарубил саблями. У многих приказал он вырезать из живой кожи ремни⁷, а с других совсем снять кожу, и каждому своему придворному определил он, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних приказал он отрубить правую и левую руку и ногу, а только потом голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ноги и голову; в общем, все это делалось различными неслыханными способами, о которых нельзя ни прочесть, ни услышать ни про одного тирана. Томительно перечислять здесь все совершенные тиранства; читателю, может быть, будет скучно, тяжело и досадно читать о таких вещах. Трудно измерить, сколько ущерба указанная тирания причинила государству, опустошений стране и тяжелой участи уцелевшим, тирания, не перестававшая еще бушевать.

Когда Всемогущий по бесконечному своему терпению и великой сдержанности своего отеческого гнева исполнил душу тирана желанием увидеть Москву превращенной в прах и пепел, направил он к исполнению его желания носителей страшных знамен, т. е. песьих голов и метел. Он побудил самого страшного врага, крымского татарина, выступить в поход в мае 1571 г. с войском в 40 000 человек. Когда великий князь достоверно узнал это через своих верных разведчиков, отправился он с очень большим войском в поход и, собрав все, что можно было собрать во всей стране, выступил вместе со своим старшим сыном — молодым князем в надежде, что когда крымский татарин узнает о его личном присутствии, он не только не покажет ему своей головы, но и повернет обратно. После того, как крымский татарин, предполагая одолеть великого князя хра-

бросью и серьезной решимостью, выжидал некоторое время, переправился он с большим трудом со всем своим войском через большую реку Оку, которая протекает в 50 немецких милях (18 милях) от Москвы, и тотчас же воевода великого князя, по имени Михаил Воротынский, направился против него с земщиной или населением, какое только оставалось в стране.

Но так как татарин был могущественнее его, русское войско было разбито, большая часть была убита, и воевода убежал, подвергаясь величайшей опасности. После того как татарину удалось этот первый план, послал он одного гонца к великому князю, написав и велел передать ему устно следующее предложение: так как он есть истинный и подлинный царь России, славящийся своим могуществом, и так как он его высоко чтит, должен он указать ему город, место или поле, где они могли бы повидаться, как подобает двум царям и врагам, и он несомненно явится туда; и так как он углубился в его страну почти на двести миль и намерен наступать дальше, он достигнет его и будет у него, и все несомненно так и произойдет.

Когда великий князь, лагерь которого был в 5 милях от Москвы, а от татар в 12 с лишним милях, он, эта тиранская бушующая душа, который мог душить и убивать невинных людей и неразумную скотину, такой суровый до сих пор, перепугался так, что в течение одного часа отступил со всем своим войском и прошел в один день и одну ночь 25 миль, оставив позади себя Москву и свою кровавую яму, слободу, и все государство, пока не остановился у реки Волги в крепости Ярославле, находящейся в 50 немецких милях от Москвы. Он выслал разведчиков узнать, куда направился крымский татарин. Когда крымский царь не получил никакого ответа, остановился он в селе великого князя Коломенском под Москвою, а его три сына в Воробьеве, очень близко от Москвы, и послал в Москву в первый день несколько тысяч людей душить, грабить и жечь. На следующий день он послал в окрестности Москвы 20 000 поджигать в разных местах. Все вышло согласно его плану. Татары сперва ограбили все дома, убили людей и проникли в замок, расположенный на противоположной стороне; они должны были вернуться обратно только по причине большого огня и дыма. И произошел такой пожар, и Богом были посланы такая гроза и ветер и молнии без дождя, что все люди думали, земля и небо должны разверзнуться. Татарский царь сам был так сильно поражен, что отступил немного со всем своим лагерем и должен был снова устраивать лагерь. И в три дня

Москва так выгорела, что не осталось ничего деревянного, даже шта или столба, к которому можно было бы привязать коня. Огонь охватил также пороховой склад, стены которого были больше 50 сажень, и сожрал все, что еще оставалось; все двери в замке и городе, наполненном мертвыми телами, выгорели. И в том же сильном огне сгорело больше ста двадцати тысяч людей, считая одних только именитых, без простых мужчин, женщин и детей, без бедных крестьян и сельского населения, которое выбежало из всех концов, сгорело, задохнулось и погибло.

В общем, невозможно описать это со всеми горестными подробностями, еще невозможнее для того, кто сам этого не видел, поверить, что за бедственное зрелище это было. Московский ручей, который течет почти посредине (города), от огня превратился в кроваво-красный. Люди большею частью задохнулись, а не сгорели, так что за удесятеренную сумму нельзя было найти людей для погребения. Тиран приказал бросить все тела в Московский ручей и предоставить их течению. Когда они начали делать это, от многочисленности тел поднялась плотина, так что река должна была изменить свое обычное течение и была запружена, и затем уцелевшие люди должны были употреблять эту самую воду для поддержания жизни ввиду недостатка колодцев, которые все обвалились. Вследствие этого появилась большая нужда и жалобы, и к великому князю были посланы со всех концов люди с просьбой выловить мертвые тела из воды и погребать оставшихся. Крымский царь, несмотря на два триумфа и выполнение всех желаний, прогнавший могущественнейшего царя с поля битвы, не только превратил в пепел его местопребывание, славу и столицу, Москву, не только уничтожил и разорил во время похода несколько тысяч людей в 36 областях или княжествах, не только овладел 100 000 пленных, кроме лошадей, скота и других драгоценных сокровищ, но и решил преследовать великого князя дальше, если бы не получил от пленных известий, что герцог Магнус выступил в поход с 15 000 воинов. Татарин обдумал еще раз все свои действия и решил, что он зашел слишком далеко в страну и мог быть захвачен при отступлении и, так как он верил полученным известиям, не захотел он дальше доверяться счастью и повернул назад.

После нескольких дней пути отправил он (гонца) к великому князю и послал длинный нож в знак уважения и велел сообщить ему, что великий князь не должен гневаться за то, что он ему причинил, и не бояться, ибо он снова скоро вернется. Как раз во время

этого похода великий князь приказал своему шурину князю Михаилу Темрюку из Черкасс, главному воеводе, повести опричнину против татар и передал ему все письменные и устные приказания. Когда же благочестивый господин был в походе и прошел почти 6 миль, великий князь приказал без всякого основания и причины посадить его на кол, убить и безжалостно казнить. Когда он снова вернулся в свой застенок — слободу и татарин повернул обратно, начал он убивать людей новым способом при посредстве одного беглого, шельмовского доктора, по имени Елисея Фамелиуса [Бомелий].

Сперва приказал он доктору дать яд своему ближайшему спальному, по имени Григорию Грязному, который всегда одевал и раздевал его; затем велел он дать яд своему гофмаршалу, князю Ивану Гвоздеву-Ростовскому(?) и еще многим знатным людям, числом около ста, имена которых бесполезно здесь указывать. И он дал письменное приказание, как долго и сколько часов яд должен был иметь свое действие, для одних $\frac{1}{2}$ часа, для других 1, 2, 3, 4 часа днем и ночью и так дальше, как вздумается его тиранскому сердцу. Главного воеводу, который осаждал Ревель, Ивана Петровича Яковлева, и его брата Василия, гофмейстера молодого князя и близкого человека, бывших в то время знатнейшими господами, приказал он своим опричникам так долго бить батогами, пока те не испустили дух. Льва Салтыкова, ближайшего советника, послал он в Троицкий монастырь, а затем приказал казнить; Федора Салтыкова*, своего кравчего, приказал он избить кнутом и держать до самой смерти в тюрьме.

В это время он так бушевал и кровожадно тиранствовал над населением или земцами, а также и над своими опричниками, что никого не осталось, кроме отъявленных палачей или молодых ротозеев. В особенности не могу я обойти молчанием и не сообщить о теперешней варварской, языческой и турецкой привычке великого князя, о том, как и каким образом в 1571 году он женился вместе со своим старшим сыном. Сначала в 70 году послал он нескольких лиц во все края, где только ни простиралась его обширная страна, осмотреть всех девушек, молодых и старых, высшего и низшего сословия, заметить и описать их имена, рост и наружность, чтобы не могло быть

* Салтыков Федор Игнатьевич — стольник, воевода и кравчий. Казнен в начале 1570-х годов. — *Прим. составителей.*

никакого подмена и обмана, и велел всех их, в количестве 2000, привести в Александровскую слободу.

Когда они все собрались со всех концов и краев, осматривал он их следующим образом, для чего употребил почти целый год. Каждую особу или девушку приказал он привести в дом, где она должна была одеться наряднейшим образом. Затем он входил в комнату вместе с двумя или тремя доверенными лицами, тоже разодетыми самым тщательным образом, кланялся им, говорил с ними немного, осматривал их и прощался с ними. Указанным образом поступил он со всеми; тех, кто не понравился ему, употреблял он для позорного плотского сладострастия, раздавал им кое-что и выдавал их замуж за своих палачей, или они были вовсе прогнаны безжалостным образом. Из всех осталось 24, и, подержав их доброе время одну за другой, выбрал он из них 12, и когда мы 26 июня 1571 г. были у него в Александровской слободе, избрал он для себя и своего сына тех, кого он хотел следующим образом: они должны были снять все украшения и платья и дать осмотреть себя безо всякого затруднения и сопротивления нагими. При этом присутствовал его доктор, и он должен был осмотреть их мочу в стакане и определить и высказаться относительно их природы, свойств и здоровья. После всего этого выбрал он одну себе, дочь незнатного купца по имени Григория Собакина, а сын — псковского происхождения из рода Сабуровых, и обе были взяты в жены, и в день св. Михаила состоялась свадьба.

Мы не считаем нужным описывать здесь, как и каким образом применялись на свадьбе княжеские варварские привычки и другие постыдные действия, которые считались у них за радость, честь и веселье на свадьбах, что мы узнали по его прежней свадьбе, Черкасской, и кроме того, от других видных людей.

Мы уже описали в другом месте весьма подробно, как и каким образом были мы сами взяты им, как пробыли 6 лет в плену, а 7 лет были на свободе; описали мы также, каким образом получали мы его милости, до какого почета и богатства поднялись, также сколько высоких владетелей и княжеств великий князь получил и сделал зависимыми благодаря нам и (притом) благородными, храбрыми, безупречными средствами и предложениями; описали также и каким образом все последующее было направлено им к окончательному разрушению и опустошению всего христианского мира, королевства Польского, Литвы и нашей злополучной родины; все это мы сами слышали из его собственных уст, и все эти действия были

против Бога, против чести, против христианской церкви, и наши совесть и честь были в опасности от коварной, крокодильской души великого князя, который хотел замешать нас в некоторые трудные дела.

Мы описали также, каким образом вследствие серьезных причин, заботясь о лучшем вообще для христианства, а особенно о короне Польской, Литовской и о нашей родине, мы освободились от его безбожной и бесславной власти.

Из всего изложенного все люди, а особенно соседние высокие владетели, могут увидеть, как Всемогущий Бог настолько поразил и ослабил жестокого тирана своим мечом, что он в короткое время был лишен могущества, силы, богатства и благосостояния и не мог оказать такому слабому врагу, как крымским татарам, никакого сопротивления.

Во всем этом все достойные похвалы владетели должны усмотреть предостережение и предписание не только разбить этого тирана и единодушным натиском храбро напасть на него, но также и подумать о том, какая польза, выгода и какое великое благо может возникнуть из этого.

Прежде всего, можно предотвратить предстоящие опасности, заключавшиеся в том, что он может с течением времени собраться с силами, заключить союз с турками и татарами против соседей и может направиться в Эстляндию, Литву, даже в Пруссию и Польшу и распространиться до Римского государства, как он уже давно замышляет; с другой стороны следует обратить внимание на то, что он почти лишен самого состояния власти, опустошил свою страну и людей, уменьшил свои сокровища, и люди, вследствие неслыханной тираньи, неверны ему и желают другой власти; поэтому достаточно серьезного намерения и натиска, чтобы взять большую, доблестную, полную сокровищ и тем не менее не укрепленную страну; сила и могущество христианской церкви, утерянные в Греции, Родосе и Венгрии, могли бы возрасти, и впоследствии могли бы быть уничтожены турки.

Некоторые неопытные утверждают из большой нескромности, что дело обстоит так: как только Московиты будут разгромлены и разбиты, возникнет еще больший враг, именно татары, которые, как они уже громогласно объявляют, вновь усилятся. Поэтому решили мы изложить истинные, правильные причины вещей.

Московитское государство имеет перед собой, во-первых, крымских татар, которые сперва платили дань и были подчинены

турецкому царю. Этот весьма силен, если соберет всех взрослых мужчин, крестьян, всех, кто только может владеть саблей, числом 40 000 человек. Между упомянутыми сейчас татарами и московскими границами лежит большое, широкое татарское поле; в нем не увидишь ничего, кроме неба и земли, ни домов, ни деревьев, только траву; через него после нескольких дней пути можно попасть к реке Танаису (Дону), где можно разложить на земле платье на ночь и получить влагу, которой люди наслаждаются. И это поле распространяется больше, чем на 190 немецких миль до московских границ через Торку, затем Оку (все судоходные реки), кроме других более мелких рек.

Больше крымских других татар, казанских и астраханских. Они были подчинены Московитам отчасти силой, но также и добровольно. В течение нескольких лет они были верны данным великим князем печатям (грамотам) и письмам, но, по постоянной привычке русских и великих князей, обещание не было сдержано, и русские с каждым годом все больше и больше проникали в их страну и оседали в их городах.

Вследствие совершенных тиранств обе стороны, татары и русские, так опустошены, что на 50, 60 и больше миль нельзя увидеть ни жилья, ни людей. Границы (распространения) третьих татар, называемых нагайцами, начинаются в 500 милях от Москвы за большой рекой Волгой и по ту сторону Казани. Эти татары (Тамерлан и еще другие, как полагают некоторые хроники, турецкого происхождения) в течение нескольких лет были очень сильны и могущественны, но благодаря такой же, как в России, тирании они были совсем обессилены; это произошло за несколько лет до нашего времени следующим образом.

Так как эти народы не подчинены ни одному отдельному господину, они не имеют ни домов, ни городов, ни постоянных дворов, не употребляют ни монет, ни зерна, ни соли, только овец, рогатый скот и верблюдов, которых они сами выращивают. Господа называются у них мурзами, как в России боярами, а у нас дворянами. Они кочуют взад и вперед по стране со всем своим скотом и добром, и ни один не остается на месте свыше трех дней. Их жилища и самое драгоценное имущество есть нечто, напоминающее по виду наши большие походные телеги на очень высоких колесах. В них три этажа; в одном находятся жены, в другом он сам спит, в третьем держит свои вещи, шивые меха и войлочные одеяла. Сзади к телеге привязаны сосуды из кожи. В них сохраняют они молоко верблюдов,

кобыл, коров и овец. Все это вливается без всякого различия в один сосуд, переходит в брожение и сваривается таким образом, что они пьянствуют, когда пьют это. Очень редко употребляются у них в пищу здоровые лошади, верблюды, коровы и овцы. Только больные и те, которые сами все равно умрут, режутся и варятся. Мясо едят они совсем без соли и хлеба, суп пьют из кубков, которые бывают только у знатных; слуги должны собирать воду для верблюдов, кобыл и другой скотины, и если не хватает этой драгоценной для них жидкости, то употребляют они воду из болот.

И если один человек сильнее другого, так что тот не может от него защититься, он его убивает и пользуется всем его добром, и этот сильный, который убил другого, провозглашается храбрым и благородным. И нет в стране ни суда, ни права, ни верховного судьи.

В 1563 году был у них один мурза, по имени Имахель, одноглазый, неопикуемый волшебник, и чем большим искусством он владел, тем большим уважением он пользовался. Он приобрел большое состояние и совсем уничтожил посредством грома и молнии тех мурз, которых не мог убить и ограбить. Он разорил много тысяч в надежде привести остальных к послушанию. В начале все шло очень удачно, но когда он умер, его детям сделали то, что он причинил другим, и вследствие непрекращающихся грабежей и убийств страна была так опустошена, что потеряла силу и всякое значение.

Теперь татары, которые показались великому князю неопасными вследствие их голодного состояния, несчастий, недостатка пищи и денег, приведены в количестве около 1000 или 1500 и поселены на этих местах. Они также враждебны великому князю и оказывали во время последнего похода помощь и поддержку крымскому царю.

На основании всего вышеизложенного, разумные люди поймут, что с Божьей милостью и помощью можно завоевать Русское государство и нет причин бояться таких бедных, раздетых, бессильных людей, и как неверно все, что распространяют про большую силу татар.

В данном случае может случиться так, как гласит старая поговорка: когда узнают, что для выполнения какого-нибудь предприятия нужно сделать то, что не хотят сделать, плохо верят этому. Но, как говорят (и справедливо), силой можно отнять что-либо, но не дать. Так же и с этими высокими, превосходными и трудно опикуемыми делами. Если никто не признает счастья, так чудесно предложенного Богом, и не захочет взять его, то можно опасаться,

что Бог даст возможность народам, которых его всемогущество передало в руки властителей, увеличить свои силы для наказания, разграбления и даже гибели самих властителей.

Мы полагаем, что христианским, достойным похвалы владельцам из всего изложенного стали достаточно известны тиранства, настроение, планы, состояние и сила великого князя. Дай Бог милость и благословение, чтобы все это, во имя славы и чести Божьей, могло служить процветанию и возвышению вашего имени, пользе и благочестию христианской церкви и благу вашему и страны ваших подданных. Все остальное, что нужно для этого предприятия, скоро найдется и осуществится, если будут приложены похвальные старания. Но об этом мы пока умолчим.

